

ДЖОН МАКДОНАЛЬД

"Страшнее, чем в любом
из наших старых мист.
И самые ужасные стра-
хи были былью"

МЫС СТРАХА

БЛОКБУТЕР
КАНАЛ ПОДРОБНО

Джон Д. Макдональд

Мыс страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149159

Аннотация

Адвокат Сэм Боуден, четырнадцать лет назад защищавший психопата Макса Кейди, обвинявшегося по делу об изнасиловании, утаил от суда доказательства, которые могли бы спасти Макса, и тот был осужден. Но вот срок его заключения истек, и Макс выходит на волю, движимый одним только маниакальным желанием – отомстить адвокату и его семье, превратив их жизнь в настоящий ад. По показаниям Сэма Боудена насильник Макс Кейди отправлен за решетку. Прошло четырнадцать лет: у Сэма счастливая семья, а у Макса долгие годы тюрьмы и расшатанная психика. Выйдя на свободу, Кейди решает отомстить Боудену и начинает с разрушения благополучия его семьи.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

МЫС СТРАХА ДЖОН МАКДОНАЛЬД

*Посвящается Говарду – он верил – и Дженин,
которая верила в Говарда*

Глава 1

Сэм Боуден лежал на спине под высоким субботним солнцем. Глаза закрыты, правая рука сжимает тающую прохладу полупустой банки пива. Он ощущал близкое присутствие Кэрол. Ланч, который был умят на пикнике, переваривался прекрасно. Джеми и Баки резвились в кустарнике на холмике за небольшим пляжем, и Сэм знал, что скоро наступит момент, когда одиннадцатилетний Джеми пошлет вниз шестилетнего Баки спросить, не пора ли уже снова в воду. Еще в прошлом году Нэнси бегала бы и вопила вместе с младшими детьми.

Но сейчас Нэнси было уже четырнадцать, и в этом году она взяла с собой гостя – пятнадцатилетнего парнишку по имени Пайк Фостер. Нэнси и Пайк поджаривались на носу «Красотки Сиу-3», слушая по переносному приемнику странную музыку, предлагаемую модным диск-жокеем. «Красотка Сиу» стояла на якоре в тридцати метрах ниже

по пляжу, нос метрах в трех от берега, и музыку едва было слышно.

Солнце отсвечивает красным сквозь ресницы Сэма Боудена, а он пытается почти с отчаянием доказать себе, что все нормально в его конкретном мире. Все шло прекрасно. Это была их первая экспедиция на остров в этом году. Боудены приедут сюда еще три или четыре раза в этом году, как и каждый год, начиная с пятидесятого, когда они нашли этот остров – за год до рождения Баки. Это был удивительно маленький остров в двенадцати милях к северо-западу от побережья Нью-Эссекса. Он был слишком мал для того, чтобы иметь название. Он заслужил лишь точку да предупреждение о мелководье на картах. Здесь был холм, пляж и вполне достаточная глубина сразу за пляжем.

Все было под контролем. Брак был из тех, что считают лучшими. Все были здоровы. С 1948 года он был компаньоном юридической фирмы. Их дом, сразу же за деревней Харпер, в тринадцати милях от Нью-Эссекса, был побольше, чем стоило приобретать, но он утешал себя тем, что стоимость десяти акров земли постоянно росла. У них не было сбережений, о которых стоило бы говорить, только немного акций с довольно высокими дивидендами. Но его страховая программа вселяла чувство безопасности.

Он поднял голову и, не открывая глаз, прикончил банку пива. Он сказал себе, что нет никакой необходимости беспокоиться. Ни к чему впадать в истерику. Просто нужно думать

об этом, как о еще одной проблеме, которую нужно решить четко, спокойно, быстро и эффективно.

– Эй, – позвала Кэрол.

– А?

– Проснись и посмотри на меня, ты, инертная масса. Перевернувшись, он поднялся на остром локте и искоса взглянул на нее. «Ты выглядишь великолепно», – сказал он. Так оно и было на самом деле. Бледно-голубой купальник подчеркивал смуглость ее кожи. Волосы были черные, жесткие и блестящие – полученная в наследство капля индейской крови, которая в свою очередь неизменно поставляла имена для всех трех суденышек, которыми владели Боудены. У нее были красивые большие и темные глаза. Нос с высокой переносицей и легкой горбинкой, который она так не любила, всегда нравился ему. Ее тридцать семь лет проявлялись только в морщинках (она щурилась от солнца), появившихся в уголках глаз, да, возможно, в венах на кистях рук. Но не в длинной гибкой фигуре и округлых подвижных ногах.

– Я не вытягиваю ничего из тебя, – сказала она твердо. – Это серьезное дело. Обрати внимание.

– Да, мэм.

– Это началось в четверг, когда ты пришел из офиса. Физически ты присутствовал, но душа была далеко. И вчера то же самое. А сегодня еще больше. Пятнадцать лет замужества, мой далекий друг, наделяют девушку экстрасенсорными способностями.

– Звучит вызывающе. Эти способности великолепно у тебя проявляются.

– Тихо. Не умничай, Сэмюэл. Не надо скрытничать. Не уклоняйся от ответа, сэр. Я хочу знать. Вот только что ты нахмурился куда больше, чем просто от солнца. Мне известно, когда что-то гложет тебя.

– Во всем Нью-Эссексе я известен как Хитрый Сэм. Никто не знает, что я думаю. Я могу не дрогнув вытащить и дополнить малый стрит. Но у тебя ужасное...

– Пожалуйста, – сказала Кэрол совершенно другим голосом, и он понял, что должен будет рассказать ей. Из ледника он достал еще одну банку пива и, открыв, предложил ей, но она покачала головой. Он отпил банку на треть.

– Хорошо, но пойми, я от рождения мнительный. Все так хорошо, что я боюсь сглазить. Мне хочется, чтобы наша драгоценная лодчонка удержалась на плаву.

– Я могу разделить вместе с тобой беспокойство о ней.

– Или, возможно, посмеяться надо мной со стороны. Надеюсь, что так. Когда в четверг я вышел из офиса, со мной произошла странная вещь. Но началось все не там. Все началось во время некоего путешествия за море, которое ты, возможно, могла и запомнить.

Он знал, что Кэрол помнит. Существовало лишь одно путешествие, когда, еще в 1943 году старший лейтенант отдела военной юстиции Сэмюэл Б.Боуден предпринял длительное морское путешествие на старом корабле «Граф де Бьянкама-

но», принадлежавшем ВМС США. Он погрузился на борт с пентагоновской бледностью на лице и в конце концов закончил путешествие в штабе театра военных действий в Нью-Дели.

– Я не намерена забывать это, любимый. Тебя изрядно долго не было. Порядочный кусок моей жизни. Скверный кусок, надо заметить.

– Ты давненько не слышала от меня забавных побасенок о войне на боуденских вечеринках, но, может, ты случайно запомнила мой анекдот о Мельбурне? Он был не очень смешной.

– Похоже. Дай-ка подумать. Ты сошел на берег, оказался замешан во что-то, и корабль ушел без тебя, потому что ты должен был выступить свидетелем. Ты еще так и не смог заполучить обратно свой сундучок, который мы упаковали с такой любовью и заботой.

– Я был главным свидетелем в военном трибунале. Дело об изнасиловании.

– Да, я помню. Но не могу вспомнить, как ты оказался в свидетелях.

– Нас было несколько человек. Мы сняли комнату в отеле, и я накачался австралийским элем. Они гонят его из кувалд. Стояла июньская ночь, и было холодно. В два часа ночи я решил, что мне нужно идти на корабль. Уже почти полностью заблудившись, я услышал, как кто-то скулит в аллее. Я подумал, что это щенок или котенок, но оказалось, что это –

девочка. Ей было четырнадцать.

Он знал, что особый полупьяный дух той ночи никогда не исчезнет из его памяти. Огромный каменный город с широкими пустыми улицами и редкими огнями. Звук его каблучков отдавался дробным звоном от пустых стен. Он мурлыкал песенку «Выкатывай бочонок», звук был особенно четок, когда он проходил мимо аллей.

Он решил, что щенка или котенка можно будет тайком протащить на корабль. А потом остановился и, ничего не понимая, уставился на бледные дергающиеся ноги, грубый ритм насильника, услышал то же животное скуление и сочный удар кулака по ее лицу. Вместе с пониманием пришла и дикая злость. Он оторвал солдата от нее и, как только тот поднялся, ударил дико, изо всех сил – и попал в твердую выдающуюся челюсть. Человек слабо вцепился в него, потом соскользнул вниз и, к удивлению Сэма, захрапел. Сэм выскочил из аллеи и через несколько минут остановил джип берегового патруля.

Его задержали до трибунала. Девочка была крупной для своих четырнадцати лет и выглядела полной простушкой. Ее отец заболел ночью, и она шла к тетке за помощью, когда пьяный солдат Макс Кейди поймал ее и затащил в аллею.

– Его повесили?

– Нет. Но к тому шло. Он был двадцатипятилетним штабным сержантом с семью годами выслуги, включая более двухсот дней участия в боевых действиях на островах. Его

вытащили оттуда с тяжелым случаем тропической лихорадки и нервного расстройства и отправили на отдых в лагерь под Мельбурном. Это был его первый выход в город. Он напился, а она выглядела старше своих лет и шла по улице в два часа ночи.

– Но даже если и так...

– Ему дали пожизненную каторгу.

Он вспомнил, как сержант выглядел на суде. Как зверь. Угрюмый, злобный и опасный. И физически сильный. Сэм смотрел на него и понимал, каким удачным оказался его удар. Кейди смотрел на Сэма через зал так, будто с огромным удовольствием убил бы его голыми руками. Темные волосы нависали ему на лоб. Жесткий рот и тяжелая челюсть. Маленькие коричневые глазки глубоко сидели в обезьяноподобных глазницах. Сэм мог сказать, о чем думал Кейди. Симпатичный чистенький тыловой лейтенантик. Проныра в красивой униформе, никогда не слышавший боевого выстрела. И поэтому симпатичный лейтенантик должен был свернуть с аллеи и идти своей дорогой, оставив настоящего солдата одного.

– Сэм, дорогой, ты хочешь сказать, что... Ее лицо выглядело испуганным.

– А сейчас, пожалуйста, не пугайся. Не нервничай, малышка.

– Ты видел того человека в четверг? Его выпустили? Сэм вздохнул.

– Никогда ты не даешь возможности мне договорить. Да. Его выпустили.

Он никак не ожидал, что Кейди вдруг вынырнет из глубин истории. Он уже почти забыл все дело. Слишком много других впечатлений этих заморских лет заслонили воспоминания о Кейди. Сэм вернулся домой в 1945 в чине капитана. Он хорошо поладил со своим полковником, человеком по имени Билл Стетч, и после войны приехал по приглашению Билла в Нью-Эссекс и поступил в юридическую фирму.

– Расскажи мне об этом. Каким он был? Как он умудрился найти тебя?

– Не думаю, что стоит об этом беспокоиться. Все может устроиться. Но все равно, когда я шел в четверг к стоянке, человек, которого, по-моему, я никогда раньше не видел, пошел рядом со мной. Он все время очень смешно ухмылялся мне. Я подумал, что он – сумасшедший.

– Нам уже можно пойти? Можно? Уже пора? – пронзительно вопил Баки, подбегая к ним. Сэм посмотрел на часы.

– Вы дурачитесь, мой маленький чумазый друг. Вам следовало быть в воде пять минут назад.

– Эй, Джеми! Уже пора.

– Баки, подожди минутку, – сказала Кэрол. – Ты не должен заходить за ту скалу. И ты и Джеми. Понятно?

– А Нэнси заплывает.

– Когда ты сдашь те же тесты по спасению утопающих, что и она, тоже сможешь заплывать, – сказал Сэм. – Не ворчи. И

посмотри, сможешь ли ты держать голову вниз.

Они посмотрели, как мальчики влезли в воду. Нэнси и ее друг встали. Она помахала родителям рукой, заправила свои темные волосы под шапочку и пошла на корму «Красотки Сиу». Сэм смотрел на нее, видя, как быстро формировалась ее тонкая фигура, почувствовал грусть и старость. И, как всегда, он поблагодарил своих богов за то, что Нэнси пошла в мать. Мальчики пошли в него. Светло-рыжие волосы, костлявая фигура, светло-голубые глаза, веснушки, крупные зубы. Было ясно, что, повзрослев, оба мальчика будут, как их отец, неисправимо тощими, неуклюжими, жилистыми, высокими, медлительными и ленивыми людьми. Было бы трагедией пожелать единственной дочери такую судьбу.

– Это был тот же сержант, правда? – спросила Кэрл тихонько.

– Тот же. Я уже забыл его имя. Макс Кейди. Его приговор пересмотрен. Его отпустили в прошлом сентябре. Он отбыл тринадцать лет принудительных работ. Я бы его не узнал. Он ростом под сто семьдесят пять, широк и коренаст. Он почти наполовину лыс, сильно загорел и выглядит так, будто его и топором не пробьешь. Глаза соответствующие, челюсть и рот тоже – но это все, что можно сказать.

– Он тебе угрожал?

– Открыто нет. Он владел ситуацией. И любовался собой. Он продолжал твердить мне, что я так ничего и не понял – ни тогда, ни сейчас. И постоянно мне ухмылялся. Я не могу

вспомнить, чтобы когда-то видел настолько приводящую в замешательство ухмылку. Или такие белые, ненастоящие зубы. Он отлично осознавал, что смущает меня. Он проводил меня до стоянки, я сел в машину и завел ее. Тогда он потянулся, как кошка, вытащил ключ и, глядя на меня, улегся на стекло. В машине было, как в печке. Я сидел весь в поту и не знал, какого черта мне делать. Я даже не смог попробовать отобрать у него ключ. Чушь какая-то.

– А ты не мог выйти и сходить за полицейским?

– Думаю, мог. Но это выглядело не слишком..., достойно. Будто бежишь жаловаться учителю. Поэтому я слушал. Он гордился тем, как нашел меня. Когда его военный адвокат допрашивал меня, выяснилось, что я получил свою юридическую степень в Пенсильванском университете. Так Кейди поехал в Филадельфию, нашел кого-то, кто проверил списки выпускников, и получил таким образом мой домашний и рабочий адреса. Он хотел дать мне понять, на что были похожи те тринадцать лет каторги. Он называл меня лейтенантом. Называл в каждой фразе. «Лейтенант» звучало у него как ругань. Он сказал, что сейчас июнь, так что у нас вроде как годовщина. И еще сказал, что думал обо мне четырнадцать лет. И то, что он рад моим успехам. Дескать, он не хотел бы обнаружить, что у меня много проблем.

– Что..., он хочет сделать?

– Все, что он сказал, это то, что он хотел, чтобы я понял всю картину полностью. Я там сидел, потел и, наконец, когда

я потребовал ключ от машины, он отдал мне его. И попытался дать мне сигару. У него был полный нагрудный карман сигар. Он сказал, что сигары хорошие, двадцать пять центов штука. А когда я отъезжал, он сказал, все еще ухмыляясь:

– Мои наилучшие жене и детям, лейтенант.

– Как мерзко.

Сэм засомневался, должен ли он рассказывать жене остальное. А потом понял, что да. Она должна знать все до конца, чтобы не быть беспечной – если до этого дойдет.

Он погладил ее руку.

– А сейчас держись, Кэрол, дружок. Может быть, я все это придумал. Надеюсь, что так. Но это – именно то, что гложет меня. Помнишь, я пришел поздно в четверг. Кейди занял полчаса. У меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть его. И чем дольше я его слушал, тем сильнее звенел маленький тревожный звонок, все громче и громче. Не нужно быть специалистом по психоанализу. Когда человек какой-то не такой, всегда видишь это. Я думаю, что мы все, в каком-то смысле, бежим в стаде. И всегда можно обнаружить паршивую овцу. Я думаю, что Кейди не в своем уме.

– Боже мой!

– Мне кажется, ты должна знать это о нем. Я могу ошибаться. Не знаю, какие слова используют для этого доктора. Паранойя... Не знаю. Но он не может обвинить себя. Я пробовал сказать ему, что он сам во всем виноват.

А он ответил, что если они такие большие, то, значит, и

взрослые, а та была всего лишь очередной азиатской сучкой. А я жизни не знаю. Думаю, что он принадлежит к тому виду кадровых военных, которые просто ненавидят офицеров. И полностью уверен в том, что случившееся в аллее абсолютно нормально... А я – вырвал тринадцать лет из его жизни и должен заплатить за это.

– Но он же так не сказал?

– Нет. Так он не сказал. Он прекрасно повеселился, зная, что я, как червь на крючке. Зачем же ему?..

Широко открыв глаза, Кэрол, казалось, всматривалась во что-то позади него.

– Сколько он уже в Нью-Эссексе?

– Не знаю. У меня создалось впечатление, что уже несколько недель.

– У него была машина?

– Не знаю.

– Как он был одет?

– Штаны хаки, не очень чистые. Белая спортивная рубашка с короткими рукавами, без шляпы.

– Что-то случилось больше недели назад. Может быть, это ничего не значит. Неделю назад – кажется, это было в среду. Утром. Дети были в школе. Я услышала, как Мэрилин заливается глупым лаем, и решила, что она загнала на дерево ужасно опасного зверя – бурундука или что-то в этом роде. Поэтому я не обращала внимания, пока та пронзительно не взвизгнула. Тогда я вышла во двор. Она, поджав хвост, кру-

гами отбегала в поле, все время глядя на дорогу. Там стояла серая машина, какая-то развалюха, припаркованная к обочине, а на нашем каменном заборчике лицом к дому сидел человек. Он был в добрых ста метрах от меня. Он оставлял впечатление крепкого человека, был лысый и курил сигару. Я долго смотрела на него, но он не двигался. Я не знала, что делать. Мне показалось, что Мэрилин гавкала на него, но не было уверенности, что он бросил в нее камнем или чем-нибудь еще. Если бы он только сделал вид, что бросает камень, наша храбрая собака, друг человека, среагировала бы таким же образом. И я не знала, является ли сидение на стене нарушением владений. Стенка отмечает наши границы. Так что мы с Мэрилин вернулись в дом, и она тут же вошла под кушетку в гостиную. Тот человек чем-то беспокоил меня. Знаешь, как бы понимаешь, что ты – одна. Я говорила себе, что он – коммивояжер или что-то подобное, что ему просто понравился вид и поэтому он остановился полюбоваться им немного. Когда я выглянула во второй раз, он все еще был там. Но в следующий раз он исчез. Мне не хотелось бы думать, что это мог быть..., он.

– Мне тоже. Но, кажется, лучше решить, что это все же он. Проклятье, нам следовало бы завести собаку получше.

– Лучше не делают. Мэрилин не особо храбрая, но такая милая. Посмотри на нее.

Мэрилин, разбуженная воплями и барахтаньем купающихся детей, полезла в воду. Она была стерилизованным

сеттером с прекрасной шерстью и красивыми формами. Урча, повизгивая от радости и возбуждения, она гонялась за плавающими детьми.

– Сейчас, когда я расстроил тебя, – сказал Сэм с сердечностью, которой сам не почувствовал, – я собираюсь перейти к светлой стороне дела. Даже несмотря на то, что старые добрые Доррити, Стетч и Боуден имеют дело с компаниями, недвижимостью и налогами, у меня есть друзья в полиции. Сэма Боудена достаточно хорошо знают в нашем маленьком милом городке на сто двадцать пять тысяч и, возможно, уважают. Достаточно для того, чтобы казалось, что однажды я смогу баллотироваться куда-нибудь.

– Пожалуйста, перестань.

– Я пытаюсь сказать, что я – один из тех ребят. А ребята заботятся о своих. Вчера я обедал с Чарли Хоппером, нашим блестящим молодым адвокатом. И рассказал ему все.

– Готова спорить, ты подал это как шутку.

– Руки у меня не дрожали, я не выглядел загнанным зверем, но я дал ему понять, что озабочен. Чарли же, похоже, не слишком озаботился. Он записал имя и приметы. Помнится, он красиво выразился насчет того, что ребята «приподнимут его». Это значит, что, кажется, законники найдут столько возможностей в законах допечь нежелательного гражданина, что он отбудет в более безопасные места.

– Но как же мы убедимся в том, что он уезжает и уже никогда не вернется обратно?

– Лучше бы ты не спрашивала об этом, дорогая. Это как раз то, о чем я сейчас думаю.

– Почему бы не засадить его в тюрьму?

– За что? Боже мой, было бы прекрасно, если бы ты смогла это сделать, правда? Абсолютно новая система законов. Сажать людей за то, что они могут сделать. Нью-Эссекс становится тоталитарным. Послушай, родная. Кажется, я всегда выражаюсь доходчиво, говоря о юриспруденции. Все мы, нынешние, стыдимся даже намек на увлеченность. Но я верю в закон. Это скрипящая, неуклюжая, приводящая в бешенство структура. В ней имеются несоответствия. Иногда я удивляюсь, как наша юридическая система умудряется выжить. Но она – это базис, это нравственная основа. Она строится на ненарушении свободы каждого гражданина. И, черт, она действует гораздо чаще, чем отказывает. Множество маленьких людей пытались придать ей новую форму в середине века, но упрямый старый монстр отказывается меняться. За всеми перегруженными повестками дня, заработавшими судьями и неработающим законодательством стоит солидная основа равенства перед законом. И мне нравится это. Я живу этим. Я люблю это так, как человек может любить старый дом. Он дорого обходится, трещит, требует массу топлива, но стены такие же крепкие, как и в день постройки. Возможно, это – суть моей философии, а дело Кейди можно уладить законными методами. Если закон не сможет защитить нас, значит, я посвятил себя мифу, и мне лучше будет

проснуться.

– Кажется, я должна любить тебя таким, как ты есть. Или, может быть, именно потому, что ты такой, старый крючко-твор. Мы, женщины, более оппортунистичны. Я способна взять это твое ружье и сбить его выстрелом со стены, если бы он когда-нибудь вернулся.

– Ты только так думаешь. А не стоит ли этим двум старичкам влезть в воду вместе с молодежью?

– Ладно. Но не начинай снова подшучивать над Пайком. Ты заставляешь его завиваться узлами.

– Буду просто веселым отцом его подружки. Они пошли к воде. Кэрол посмотрела на него и сказала:

– Не замыкайся в себе снова, Сэм. Давай мне знать, как идут дела.

– Я дам знать. И не беспокойся. Я просто суеверен. Слишком уж все у нас хорошо.

– У нас все очень хорошо.

Когда они вошли в воду, Нэнси карабкалась по корме «Красотки». Капельки воды блестели на ее голых плечах.

Ее бедра, еще недавно такие худые, стали наливаться женственными формами. Она поймала равновесие и чисто нырнула...

Кэрол тронула Сэма за руку.

– Та девочка... Сколько ей было?

– Четырнадцать. – Он взглянул Кэрол в глаза, взял ее за руку и слегка придержал. – Послушай. Прекрати думать об

этом. Прекрати сейчас же.

– Но ты ведь думал о том же.

– Только минуту, когда ты пришла к своему решению. А сейчас мы оба отбросим эту болезненную мелкую мысль.

– Да, сэр. – Она улыбнулась. Но улыбка выглядела не такой и появилась не так, как обычно. Они еще мгновение смотрели друг на друга, а потом вошли в воду. Он плыл изо всех сил, но не мог уплыть от маленьких липких щупалец страха, присосавшихся к сердцу.

Глава 2

В следующий вторник утром Сэм Боуден сидел в своем офисе вместе с молодым адвокатом по имени Джонни Кэрик, который работал на «Доррити, Стетч и Боуден» меньше года. Они просматривали опекунский отчет «Нью-Эссекс Бэнк энд Траст Компани», когда позвонил Чарли Хоппер и сказал, что он здесь поблизости: удобно ли будет зайти на пару минут?

Сэм быстро закончил с Джонни и отправил его в каморку писать резюме по отчету. Он позвонил Элис на коммутатор и попросил портье, чтобы мистера Хоппера направили к нему, как только тот появится.

Чарли пришел через несколько минут и закрыл за собой дверь офиса. Это был тридцатилетний мужчина с добродушным некрасивым лицом, весьма энергичный и честостойкий, с намеренно вялыми манерами.

Он сел, достал сигареты и сказал:

– Темные панели, приглушенные голоса и фолианты, берущие начало от кодекса Хаммурапи. А также тихий шорох и сильный запах денег. Такой шут-работяга, как я, должен входить сюда на цыпочках. Я между делом и позабыл, как вы, учтивые клоуны, заставили свое дело выглядеть почти респектабельным.

– Ты умрешь от скуки, Чарли. Я провел полжизни, тщательно оттачивая карандаши.

Чарли вздохнул.

– Я там, в самом вихре жизненной кутерьмы, посещаю все заседания Общего совета. Управления по распределению и Управления по планированию. Честный милый Сэмюэль. Скажи мне, почему ты больше не заходишь в «Таверну у суда» Джилла Брейди?

– Не было никаких дел в суде последнее время. А это – признак умения.

– Знаю, знаю. Ну я запустил машину в отношении твоего старого дружка. Он живет в меблированных комнатах в доме 211 по Джеkel-стрит на углу Маркет. Вселился пятнадцатого мая, заплатив вперед до конца июня. Сейчас только одиннадцатое, и, значит, он думает еще ненамного остаться. Наши ребята в форме частенько проверяют там правильность регистрации. Он ездит на сером «Шевроле» с западно-виргинскими номерами, которому уже лет восемь. Вчера его выдернули из бара на Маркет-стрит. Капитан Марк Даттон говорит, что он не поднимал шума. Отнесся ко всему спокой-

но и терпеливо.

– Его отпустили?

– Им пришлось это сделать, больше ничего не оставалось. Они проверили Канзас и выяснили, что его Выпустили в прошлом сентябре. Его заставили объяснить, где он взял деньги и машину, потом проверили и это. Он приехал из небольшого провинциального городка возле Чарльстона, Западная Виргиния. Освободившись, он вернулся туда. Его брат работал в Чарльстоне и содержал дом. Когда Макс вернулся, они продали его и разделили деньги. Он получил около трех тысяч долларов и носит их в поясе. Он оказался чистым в Чарльстоне, так же как и в Вашингтоне. Регистрационные бумаги и лицензия на машину в порядке. Они обыскали машину и комнату, Оружия нет. Ничего необычного. Поэтому пришлось его отпустить.

– Он назвал какую-то причину, почему он сюда приехал?

– Даттон устроил все таким образом, что, как мы и решили, ему пришлось. Твоего имени не впутывали. Кейди сказал, что ему понравились виды города. Даттон сказал, что его слова звучали очень спокойно и правдоподобно.

– Ты дал Даттону понять ситуацию?

– Я не знаю. Думаю, что да. Даттон хочет, чтобы этот тип здесь шлся, не больше твоего. И поэтому они будут приглядывать за ним. Если он плюнет на тротуар, это обойдется ему в пятьдесят долларов. Если он превысит скорость хоть на одну милю в час, ему придется заплатить. Его заберут как

пьяного, если увидят выходящим из бара. До него дойдет. И он съедет. Они всегда съезжают.

– Чарли, я ценю то, что ты сделал. В самом деле. Но у меня такое чувство, что он не собирается пугаться. Хоппер затушил сигарету.

– У тебя плохо с нервами?

– Возможно. А возможно и то, что я не показал себя достаточно обеспокоенным на обеде в пятницу. Я думаю, что он – псих.

– Если это и так, то Даттон не заметил этого. Что, по-твоему, он собирается предпринять?

– Я не знаю. У меня такое чувство, что он попытается сделать мне как можно больнее. Когда у тебя жена, трое детей и ты живешь в деревне – это может заставить тебя почувствовать некоторую неуверенность. – Он рассказал Чарли про случай с машиной и человеком на стене. Кэрол помнила, что это была серая машина, и этот факт делал более вероятным то, что это мог быть Кейди.

– Может быть, он просто хотел заставить тебя серьезно подрожать.

Сэм заставил себя улыбнуться.

– Он преуспевает в этом.

– Может, тебе стоит попробовать что-нибудь еще, Сэм? Ты знаешь людей из «Апекса»?

– Да, конечно. Мы использовали их.

– Это национальная организация. Кое-где они слабы, но

здесь у них есть несколько хороших людей, я сейчас думаю об одном конкретном парне. Сивере, так его зовут. У него хорошая подготовка. Кажется, в центре уголовных расследований. И работа в полиции тоже. Он крепок, как лошадь, и хладнокровен, как змея. Это обойдется тебе дорого, но деньги лучше вкладывать в хорошее место. Ты знаешь их начальника?

– Да. Андерсон.

– Позвони ему и узнай, сможет ли он дать тебе Сиверса.

– Похоже, я так и сделаю.

– У тебя есть адрес Кейди?

– Я записал его. Двести одиннадцать, Джежел-стрит, на углу Маркет.

– Правильно.

Сивере пришел в офис в четыре тридцать. Он тихо сидел и слушал Сэма. Это был человек с квадратной головой и серым лицом. Ему можно было дать сколько угодно лет – от тридцати пяти до пятидесяти. Над ремнем выдавалась мягкая выпуклость. Его руки были очень большими и очень белыми. Волосы у него были бесцветные, а глаза – скучного синевато-серого цвета. Он не делал ненужных движений, сидел неподвижно, как могильный памятник, и слушал и заставлял Сэма чувствовать себя паникером.

– Мистер Андерсон дал вам расценки? – спросил Сивере отсутствующим голосом.

– Да, дал. И я обещал ему немедленно отослать чек.

– Сколько времени мы должны вести Кейди, по-вашему?

– Я не знаю. Я хочу..., получить постороннее мнение о том, планирует ли он нанести какой-либо вред мне или моей семье.

– Мы не читаем мысли.

Сэм почувствовал, что его лицо запылало.

– Я понимаю. И я не истеричная баба, Сивере. Мне пришло в голову, что, наблюдая за ним, вы смогли бы найти какой-то ключ к тому, что у него на уме. Я хочу знать, не появится ли он у моего дома.

– А если появится?

– Дайте ему столько свободы, сколько позволяет безопасность по-вашему. Если бы мы смогли набрать достаточно улик по поводу его намерений, чтобы посадить его, это бы помогло.

– Какие отчеты вы хотите получать?

– Устных отчетов вполне достаточно, Сивере. Вы можете начать сейчас же?

Сивере пожал плечами. Это был его первый жест за все время.

– Я уже начал.

В тот же вечер, во вторник, дождь прекратился перед самым уходом Сэма из офиса. Вечернее солнце выглянуло, как раз когда он пересек трассу и повернул на Маршрут 18. Дорога шла вдоль берега озера на протяжении пяти миль, через район летних курортов, все больше расстраивавшийся

с каждым годом. Потом поворачивала на юго-запад по направлению к деревне Харпер, находящейся в восьми милях, проходя мимо часто стоящих ферм и больших новых жилых районов.

Он въехал в деревню, объехал вокруг центральной деревенской площади и при свете повернул прямо на Милтон-Хилл-Роуд к своему дому, стоящему сразу за чертой деревни. Они долго искали, пока в 1950-м не нашли этот сельский дом, а потом долго сомневались насчет цены. И несколько раз подсчитывали, во сколько обойдется его модернизация. Но они оба: и он, и Кэрол уже знали, что попались. Они влюбились в этот старый дом. Он стоял на десяти акрах земли: все, что осталось от прежней фермы. Там были вязы, дубы и ряд тополей. Изо всех передних окон был прекрасный вид на отлогие холмы вдали.

Архитектор и подрядчик проделали великолепную работу. Основной дом был из кирпича, покрашенного в белый цвет, и стоял довольно далеко от дороги. Если стоять лицом к дому, то по правую руку проложили длинную дорожку, заворачивавшую к тому, что когда-то было и до сих пор продолжало называться амбаром, даже несмотря на то, что в него сразу стали ставить фордовский фургон и доблестный, благородный и решительный «МГ» Кэрол. Амбар был тоже кирпичный и покрашен белым. Верхняя его часть, там где был сеновал, полностью принадлежала детям. Мэрилин никогда не могла взобраться по прислоненной к стене лестни-

це без тревожного визга, и ее всегда приходилось сносить на руках, с поджатым хвостом и вращающимися глазами.

Когда Сэм свернул на дорожку, он обнаружил, что впервые захотел, чтобы у них были близкие соседи. Отсюда можно было увидеть конек крыши дома Тернеров и несколько ферм на дальних склонах холмов – и все. Вдоль дороги стояло много домов, но они были далеко друг от друга. Домов было столько, что иногда казалось, будто вся центральная школа в полном составе приземляется на земле Боуденов по выходным и воскресеньям. Но ни один дом не стоял достаточно близко.

Он заехал в амбар. Внутрь, прыгая, танцуя и улыбаясь, влетела Мерилин, умолая о долгожданном внимании. Сэм, погладив ее, пересчитал велосипеды и выяснил, что из всех троих только Баки был дома. Мысль о том, что Нэнси и Джеми где-то на дороге, взволновала его. Он всегда беспокоился об этом из-за интенсивного движения. А сейчас появилась еще одна причина. И все же он не знал, как можно запретить им выезжать. Кэрол, пройдя полдороги через задний двор к амбару, встретила и поцеловала его. Потом спросила:

– Ты узнал что-нибудь от Чарли?

– Да, я собирался позвонить тебе, но потом решил, что это может подождать.

– Хорошие новости?

– Весьма. Это долгая история. – Он внимательно посмотрел на нее. – Ты выглядишь угрожающе разодетой, жена. На-

деюсь, у нас нет вечеринки, о которой я позабыл.

– Ах, это? Это для поддержания духа. Я волновалась и поэтому разоделась с ног до головы. Я ведь обычно так и делаю, ты что, забыл? Все статьи о счастливом браке твердят о том, что нужно одеваться для своего мужа каждый вечер.

– Но не до такой степени.

Они вошли через кухню. Сэм приготовил себе изрядную порцию выпивки, чтобы потягивать ее, пока будет принимать душ и переодеваться. Когда он вышел из душа, пришла Кэрол, села на краю кровати и выслушала его отчет о разговоре с Чарли и о найме Сиверса.

– Я хотела бы, чтобы он сделал что-то такое, за что его можно было бы арестовать, но в любом случае я рада Сиверсу. Он выглядит..., компетентным?

– Я бы не сказал. Он – не самый душевный парень, которого можно встретить. Чарли, кажется, думает, что он лучше всех.

– Чарли виднее, правда?

– Чарли виднее. Перестань смотреть так напряженно, малышка. Колеса пришли в движение.

– Он обойдется нам ужасно дорого?

– Не так чтоб уж слишком, – солгал он, – Однажды я соберусь и выброшу эту синюю рубашку.

Он застегнулся, улыбаясь ей.

– Когда исчезнет она, исчезну я.

– Как страшно!

– Я знаю. Где дети?

– Баки в своей комнате. Они с Энди строят аэроплан, так они сказали. Джеми – у Тернеров, его пригласили остаться на обед. А Нэнси должна вернуться из деревни с минуты на минуту.

– Она одна?

– Они поехали с Сандрой на велосипедах. Он подошел к бюро, отпил еще один большой глоток своего напитка и, поставив стакан, посмотрел на Кэрол.

Она улыбнулась.

– Я думаю, мы ничего не сможем поделаться с этим, дорогой. Первые поселенцы постоянно сталкивались с этим. Индейцы и звери. Так и здесь. Как зверь, спрятавшийся в лесу, возле реки.

Он поцеловал ее в лоб.

– Это скоро кончится.

– Лучше бы уже. В полдень я проголодалась, но, как ни странно, не смогла проглотить ни куска. Хотела поехать в школу и посмотреть на всех их. Но не поехала. Я выпалывала сорняки в полном бешенстве до тех пор, пока автобус не высапил детей у дома.

Из окна спальни ему была видна дорожка, и он увидел Нэнси, подъезжавшую к амбару и обернувшуюся помахать рукой и прокричать что-то через плечо кому-то невидимому. Возможно, Сандре. Нэнси была одета в синие джинсовые шорты и красную блузку.

– Вот и старушка Нэнс, – сказал он, – тютелька в тютельку.

– Она, говоря ее словами, в диком бешенстве от Пайка. Кажется, в школе объявился новый талант. Нечто с почти платиновыми волосами. Так что Пайк сейчас – глупяк.

– Глупяк?

– Для меня это тоже было внове. Кажется – это комбинация «глупый» и «шмяк». Перевод был дан с крайним нетерпением: «Ох, маммма!».

– Я принимаю это. Пайк Фостер – глупяк. Вне всякого сомнения. Он слишком крупный и мускулистый для пятнадцатилетнего мальчика. И когда я пытаюсь завести с ним разговор, он краснеет, пялит на меня глаза и издает самый ужасный и бессмысленный смешок, какой я когда-либо слышал.

– Он не знает, как себя вести с тобой. Вот и все.

– Во мне нет ничего непонятного. Двусложные слова ставят его в тупик. Истинное дитя телевизионного века. И этой чертовой школы, этих чертовых педагогических теорий. И прежде чем ты дашь мне обычный самодовольный ответ – я не вступлю в Ассоциацию родителей и учителей, чтобы попробовать хоть что-нибудь сделать с этим.

Они спустились вниз. Нэнси сидела на стойке в кухне и говорила по телефону. Она взглянула на них с выражением беспомощной скуки, прикрыла рукой трубку и прошипела:

– Я просто должна сегодня позаниматься.

– Тогда повесь трубку, – сказал он.

На задней лестнице раздался звук, похожий на то, как ес-

ли бы с нее скатилась очень тощая лошадь. Баки и его лучший друг Энди прогромыхали через кухню, вылетели через дверь в перегородке и направились к амбару. Пружина на двери вздохнула.

– Здравствуй, папа! – сказал Баки.

– Здравствуй, сын. Здравствуй, Энди.

– Привет, мистер Боуден.

– Куда вы, мальчики, направляетесь?

– Ну, мы – к амбару.

– Хорошо. Бегите, мальчики.

Нэнси, с увлечением слушая голос на другом конце линии, сбросила сандалию с правой ноги. Голыми пальцами она рассеянно пыталась повернуть ключ шкафчика под стойкой. Кэрол открыла стенную духовку и смотрела на то, что там было, с двусмысленным и недружелюбным выражением. Она была хорошим, но эмоциональным поваром. Она разговаривала с ингредиентами и посудой, Если что-то не выходило, то не по ее вине. Это был акт обдуманного бунта. Проклятая свекла решила выкипеть досуха. Глупые цыплята не хотели становиться мягкими.

Сэм снова налил себе и перешел с выпивкой за столик. Он раскрыл вечернюю газету, но прежде чем начать читать, оглядел кухню. У Кэрол была крепкая хватка дизайнера. Множество нержавеющей стали. Большая комната. Она занимала прежнюю кухню, буфетную и кладовую. Центральный островок с мойкой и плитой отделял рабочую часть

от обеденной. Шкафчики и пеналы были из темной сосны. Большое окно выходило на лесистый холм за амбаром.

Разнокалиберные медные кастрюли висели на сосновой стене. У обеденного столика был небольшой камин полевого камня. С начала Сэм не был поражен. Он не чувствовал себя уютно в комнате. Слишком журнально, говорил он. Слишком медно и затейливо. Но сейчас она ему очень нравилась. В этой комнате проводили больше всего времени. Очень строгая столовая белого дерева с синими стенами была оставлена для торжественных случаев. Все пятеро удобно располагались и за кухонным столом.

Когда Нэнси повесила трубку и подняла свою сандалию, Сэм сказал:

– Слышал, у тебя появились соперницы, Нэнс.

– Что? Ах, это! Мама тебе сказала. Она – откровенно протухшая штучка. Вся в рюшечках, ш шамой милой легкой шепелявоштью и страшно большими глупыми глазами. Мы все подозреваем, что она косит под Алису в стране Чудес. Все ребята определенно одурели возле нее. Ужасающее зрелище. Отвратительное. Бедный старый Пайк. Он не может и двух слов связать, и по этому все, что ему остается делать, это кружить вокруг нее, выпячивая все свои мускулы. Меня это не греет.

– Ну вот, очаровательно женственное выражение.

– Все так говорят, – сказала дочь жалобно. – Я просто начала учиться.

– Что у вас будет завтра, дорогая? – спросила Кэрол.

– Экзамен по истории.

– Может, тебе будет нужна помощь? – спросил Сэм.

– Может быть, с датами, попозже. Ненавижу учить все эти замшелые старые даты.

Он посмотрел на дверь, через которую ушла Нэнси. Такой прекрасный и опасный возраст. Наполовину ребенок и наполовину женщина. А полностью превратившись в женщину, она обещает стать необычайно красивой. Что создаст свой круг проблем.

Уже заканчивая газету, он услышал, как Кэрол набирает номер.

– Алло, Лиз? Кэрол. Наш средний ребенок достаточно цивилизован?... В самом деле? Хорошо. Твой Майк – настоящий ангел, когда он здесь. По-моему, они все реагируют таким образом... Если можно, будь так добра. Спасибо, Лиз... Джеми? Дорогой, я не хочу, чтобы вы с Майком отупели от учения. Ты слышишь?.. Хорошо, дорогой. Локти на стол не класть, громко не чавкать и в полдесятого быть дома. До свидания, золотце.

Она положила трубку, повернулась и виновато посмотрела на Сэма.

– Я знаю, что это глупо, но я начала волноваться. А позвонить так легко.

– Я рад, что ты это сделала.

– Если я буду продолжать в том же духе, мы все станем

неврастениками.

– Думаю, что это хорошая мысль – лучше приглядывать за ними.

– Может, ты позовешь Баки и отошлешь Энди домой, дорогой?

В девять часов, увидев, что Баки лег в постель, Сэм спустился по коридору в комнату дочери. На шкафчике для одежды лежала стопка свежих пластинок, тихо играла музыка. Нэнси сидела за столом перед открытой книгой и тетрадью. Она была в своем розовом махровом халате. Волосы всклокочены. Дочь посмотрела на него взглядом, означавшим, что она полностью выдохлась.

– Готова к датам?

– Кажется, да. Я, скорее всего, не вспомню и половины из них. Вот список, пап.

– Ты даже цифры пишешь с наклоном влево?

– Это такая особенность.

– Уверен в этом. Разве уже не учат правописанию?

– Почерк должен быть разборчивым. Это все, что они говорят.

Он подошел к кровати, отодвинул неизменного кенгуру и сел.

Она получила Салли на свой первый день рождения, и с тех пор та всегда и везде была с Нэнси в кровати. Нэнси больше не жевала ее уши. Слишком мало осталось жевать.

– Мы будем заниматься на фоне музыки, исполняемой

джентльменом с большими аденоидами?

Нэнси потянулась к проигрывателю и повернула выключатель.

– Я готова. Давай, заправляй.

Он прошел по списку, она пропустила пять дат. Через двадцать минут она назвала их все, независимо от того, в каком порядке он спрашивал. Она была умным ребенком и способным. Ее разум был по-своему строго логичным и упорядоченным, не творческим. Баки, казалось, больше походил на Нэнси. Джеми был мечтателем, медлительным учеником с богатым воображением.

Он поднялся, отдал ей список и, поколебавшись, сел снова.

– Родительский час, – сказал он.

– Кажется, у меня совершенно чистая совесть, по крайней мере, сейчас.

– Это инструкция, детка, по поводу чужаков.

– Боже, мы говорили об этом триллионы раз. И с мамой тоже. Не соглашайся кататься. Не ходи в лес одна. Никогда не ездь автостопом. И если кто-то смешно ведет себя, удирай, как ветер.

– Все немного не так в этот раз, Нэнс. Это – один конкретный человек. Я уже было почти решил не говорить тебе, но потом подумал, что это будет немного глупо. Это человек, который ненавидит меня.

– Ненавидит тебя, папа!

Он почувствовал легкую досаду.

— Да, кто-то может ненавидеть твоего мягкого, любящего, жалкого, старого отца.

— Я не имела в виду ничего такого. Но за что он?

— Когда-то давно я свидетельствовал против него. Во время войны. Без моей помощи его бы не приговорили. С тех пор он был в военной тюрьме. Сейчас его выпустили, и он в нашей округе. Мы с мамой уверены, что он был здесь пару недель назад. Может, он ничего и не сделает, но мы должны предполагать обратное.

— За что его посадили в тюрьму? Он посмотрел на нее некоторое время, оценивая ее запас знаний.

— Изнасилование. Это была девочка твоего возраста.

— Боже мой!

— Он пониже меня. Размером с Джона Тернера. Такой же в объеме, как Джон, но не такой же мягкий. Лысый, сильно загоревший, с дешево выглядящими искусственными зубами. Одевается бедно и курит сигары. Можешь это все запомнить?

— Конечно.

— Не позволяй ни одному человеку, подходящему под описание, приближаться к тебе по какой бы то ни было причине.

— Я не буду. Боже мой, это так волнующе, правда?

— Именно то слово.

— Мне можно сказать ребятам? Сэм поколебался.

— Не вижу, почему бы и нет. Я собираюсь рассказать твоим

братьям. Этого человека зовут Кейди. Макс Кейди. Он снова поднялся.

– Не занимайся слишком долго, цыпленок. Ты лучше справишься с экзаменом, если больше поспишь.

– Не могу дождаться, чтобы рассказать обо всем ребятам.

Сэм улыбнулся и взъерошил ей волосы.

– Ой, большое дело! Драма входит в жизнь Нэнси Энн Боден, девицы. Опасность подстерегает эту тощую девчушку. Настраивайтесь завтра на нашу волну, чтобы узнать новую главу из жизни этой американской девочки, которая храбро улыбается, в то время как...

– Прекрати сейчас же!

– Тебе закрыть дверь?

– Эй, я совсем забыла! Я видела Джека в деревне. Он сказал, что у него появилось место, и можно вытащить лодку прямо сейчас. Ты же знаешь, как он с этим, поэтому я сказала, что мы приедем и поработаем над ней в эти выходные. Правильно?

– Великолепно, цыпленок.

Когда он спустился вниз, Джеми был уже дома. Кэрол как раз загоняла его в постель. Сэм сказал ему обождать минутку.

– Я только что рассказал Нэнси о Кейди, – сказал он.

Кэрол нахмурилась и сказала:

– Но ты думаешь... Да, я понимаю. По-моему, это мудро, Сэм.

– А что происходит? – спросил Джеми.

– Послушай очень внимательно, сын. Я собираюсь рассказать тебе кое-что и хочу, чтобы ты запомнил все, что я скажу.

Он объяснил Джеми положение. Джеми внимательно слушал. Сэм закончил словами:

– Что же, расскажи и Баки, но я не знаю, какое это будет иметь для него значение. Он живет в своем собственном марсианском мире. Поэтому я хочу, чтобы ты смотрел лучше, чем обычно, за своим младшим братом. Я понимаю, что это может несколько помешать вашему веселью, но это все реально, Джеми. Это – не телешоу. Ты сделаешь это?

– Конечно. Почему его не арестуют?

– Он ничего не сделал пока.

– Бьюсь об заклад, они могли бы его арестовать. У полицейских есть пистолеты, которые они отбирают у мертвых убийц. Понимаешь, потом они идут к нему и кладут пистолет убийцы ему в карман. А потом его арестовывают за ношение оружия без разрешения, понимаешь, и отправляют его в тюрьму. А потом несут пистолет в лабораторию, разглядывают его через всякие штучки и обнаруживают, что это – оружие убийцы и как-нибудь рано утром его сажают на электрический стул.

– Братец мой! – сказала Кэрол.

– Джеймс, мальчик мой, дело в том, что наша страна очень хороша как раз тем, что в ней такие вещи невозможны. Мы не сажаем невинных людей. Мы не сажаем людей только по-

тому, что думаем, будто они могут что-то натворить. Если бы это могло произойти, ты, Джеми Боуден, мог бы однажды обнаружить себя в тюрьме только потому, что кто-то оболгал тебя.

Джеми хмуро обдумал сказанное, а потом кивнул.

– Этот Скутер Прескотт враз закрыл бы меня.

– Почему?

– Потому что, понимаешь, я сейчас могу отжаться двадцать восемь раз, а когда смогу пятьдесят, то подойду к нему и расквашу его толстый нос.

– Он знает об этом?

– Конечно, я сказал ему.

– Лучше бы тебе пойти сейчас в постель, дорогой, – сказала Кэрол.

Уже у парадной лестницы Джеми обернулся и сказал:

– В этом есть одна загвоздка. Скутер тоже отжимается от пола, проклятие.

Когда он ушел, Кэрол спросила:

– Как Нэнси это восприняла?

– С пониманием.

– По-моему, это разумно – рассказать им.

– Я знаю. Но это заставляет меня чувствовать себя немного неудачником. Я – король этого маленького племени. Должен был бы смочь заставить Кейди бояться Бога. Но я не пойму, как это сделать. Не из-за физической формы конторского типа. Он выглядит так, будто у него полно мышц, ко-

торым еще не придумали названия.

– Это не Мерилин?

Сэм вышел в кухню и впустил ее. Собака, сияя и виляя хвостом, подбежала к нему и бросилась к своей миске, потрясение и недоверчиво разглядывая ее пустоту, затем повернулась и посмотрела на него.

– Ни косточки, девочка. Ты на диете, помнишь? Она безутешно подплыла к миске с водой, потащилась в свой угол, три раза обернулась и, вздохнув, свалилась на бок. Сэм сел возле нее на корточки и легонько ткнул пальцем в живот.

– Ты должна вернуть свою девичью фигуру, Мерилин. Ты должна избавиться от этого безобразия.

Она подняла на него глаза и дважды махнула длинной рыжей щеткой хвоста. Потом зевнула, легонько взвизгнув под конец и показав длинные белые клыки цвета слоновой кости.

Он встал.

– Огромный дикий зверь, которого пугают котята и терзают злобные белки. Каждый день тяжел для четырехлетнего искреннего труса, правда, Мерилин?

Она закрыла глаза и дважды мечтательно махнула хвостом. Он, зевая, побрел обратно в гостиную. Кэрол посмотрела на него и зевнула.

– Я заразился от Мерилин, а ты – от меня.

– Ну я унесу это в постель.

– Проверь, отбилась ли Нэнси, – сказал он. – Я сейчас буду.

Он выключил свет и начал замыкать переднюю дверь, но потом открыл ее снова, вышел во двор и не спеша направился к дороге. Дождь начисто отмыл воздух, остался только запах июня и скорого лета. Звезды выглядели маленькими, высокими и заново отчищенными. Он услышал затихающий рык грузовика на Маршруте 18, а когда тот совсем затих, слышалась отдаленная песнь собаки с дальней фермы на том конце долины. Возле уха запищал комар, и он отмахнулся от него.

Ночь была темной, небо высоким и мир был таким огромным. А человек почти неизмеримо мал, слаб и раним. Его семейство было в постели.

Кейди жил где-то в этой ночи, дыша темнотой.

Он прихлопнул комара, прошел по росной траве к дому, закрыл дверь и лег спать.

Глава 3

Сивере пришел к Сэму с докладом в четверг, в десять утра. Он сидел в своей неподвижной манере, и выражение лица его не менялось, когда он говорил бесцветным скучным голосом:

– Я взял его в шесть часов, когда он выходил из меблированных комнат. Он пошел в бар Николсона, тремя кварталами ниже по Маркет-стрит. Он вышел один в семь тридцать, вернулся назад, взял машину, поехал к Николсону, поставил машину во второй ряд, посигналил, оттуда вышла женщина и села к нему. Толстая блондинка с громким смехом. Он по-

ехал обратно к меблированным комнатам, поставил машину на задворках, где ее обычно держит. Они вместе вошли в дом и вышли оттуда приблизительно через сорок минут. Они сели в машину, и я поехал за ними. Он начал слишком часто сворачивать. Не могу сказать — то ли он заметил меня, то ли был слишком умен, а может, они просто искали, где бы поесть. Мне пришлось висеть все время сзади. Наконец они выехали из города по Маршруту 18. Он свернул на проселок. Никакого движения. Он надул меня, притормозив за поворотом. Поэтому я вынужден был проехать вперед. Когда меня не стало видно, я развернулся и выключил свет, но он не появлялся. Это значило, что он умен. Я быстро вернулся назад, но у него было слишком много возможностей повернуть. Поэтому я вернулся к Николсону. Я выяснил, что он частенько туда ходит. Его там знают только как Макса. Женщина — одна из этих личностей с Маркет-стрит. Бесси Макгоуэн. Не совсем проститутка, но так близка к этому, что разницы не заметить. Он снова привез ее в меблированные комнаты в три утра. Он был в порядке, но ее ему пришлось почти что вносить. Я отключился и вернулся вчера, в десять тридцать утра. Он вышел в четверть двенадцатого, съездил в кулинарный магазин и притащил в комнату мешок еды. В пять часов он отвез ее в одну из этих побитых меблирашек на Джефферсон-Авеню и зашел туда вместе с ней. Они вышли в семь, она переоделась. Потом снова поехали к Николсону. В девять он вышел один и направился к озеру. Он веселил-

ся. Он на чеку каждую минуту. Он умен и хорош. Он может смотреть во всех направлениях одновременно. И может передвигаться. Я потерял его. Думал, что потерял. Потом он закурил свою проклятую сигару прямо рядом со мной. Я чуть не выскочил из своих туфель. Он хорошенько посмотрел на меня, ухмыльнулся и сказал: «Отличный вечер для этого», а потом снова пошел к Николсону. Он отвез даму обедать в закусочную в пяти милях от города, у озера. Они снова вернулись в меблированные комнаты в три. Предполагаю, что они все еще там. Меня одурачили и даже не извинились. Чего вы хотите еще?

– Может, агентству стоит приставить к нему другого человека?

– Я лучший, мистер Боуден. Я не пытаюсь шутить с вами. Он сделает следующего так же быстро, если не быстрее.

– Я не совсем понимаю. Разве имеет какое-то особое значение то, что он видел и узнал вас? Разве вы не можете все равно следить за ним?

– Я могу приставить к нему целую команду, но даже тогда это может не сработать. Три человека в трех машинах, вторая смена – и вы сможете пасти его круглые сутки. Но есть слишком много способов стряхнуть нас. Зайти в кино и выйти из любого входа. Зайти в универмаг, подняться наверх, спуститься другим путем и выйти через другую дверь. Выйти через кухню в любом заведении. Пойти играть в гостиницу. Есть слишком много способов.

– Что же вы предложите. Сивере?

– Бросьте это. Вы только теряете деньги. Он ожидал слежки. Поэтому он искал ее. И он будет продолжать искать. И каждый раз, когда он захочет уйти от нее, он найдет, как это сделать. Этот тип холоден и умен.

– Не много же вы помогли. Вы, кажется, не понимаете, что этот человек хочет навредить мне? Именно для этого он сюда и приехал! Он может попытаться достать меня через мою семью. Что бы вы сделали?

Синевато-серые глаза, казалось, изменили свой цвет, стали светлее.

– Изменил бы его мысли.

– Как?

– Не ссылайтесь на меня. Я бы установил кой-какие контакты. Уложите его пару раз в больницу, и до него дойдет. Обработайте его чем-нибудь вроде велосипедной цепи.

– Но.., может, он ничего и не замышляет.

– В этом случае вы уверены.

– Извините меня. Сивере. Может быть, это слабость с моей стороны, но я так не думаю. Я не могу действовать за рамками закона; Закон – это то, чем я занимаюсь. И я верю в законный порядок.

Сивере поднялся.

– Это ваши деньги. Такой тип – животное. И вы боретесь с ним, как с животным. В любом случае я бы так и сделал. Если вы измените свое мнение, мы сможем поговорить част-

ным образом. Это нельзя сделать через агентство. Вы просто потеряете деньги, продолжая держать меня у него на хвосте.

Он остановился у двери и оглянулся, держа руку на ручке.

– Вы должны понять в этом одно. Вы насторожили закон. Если он что-нибудь сделает, его заберут к чертям. Но опять же, может, тогда ему уже будет до лампочки.

– Сколько будет стоить ваша команда сыщиков?

– Что-то около двух тысяч в неделю.

После ухода Сиверса Сэм попытался отвлечь себя работой, но его внимание постоянно возвращалось к Кейди. Когда он ехал в четверг вечером домой, то решил, что ни к чему говорить Кэрол о том, что Сивере больше на него не работает. Это будет трудно объяснить, и она только встревожится безо всякой необходимости.

Кэрол позвонила ему в три дня в пятницу. Когда он услышал ее тон, рука изо всей силы сжала трубку. Она говорила абсолютно бессвязно.

– Кэрол, с детьми все в порядке?

– Да, да. Они в порядке. Это та.., эта глупая собака. – Ее голос прервался. – Ты не мог бы приехать домой? Пожалуйста.

По дороге он остановился в офисе Билла Стетча и сказал ему, что дома неприятности. Похоже, сбежала собака, и поэтому его сегодня уже не будет. Он хорошо доехал до дома. День был серый. Кэрол быстро подошла к амбару, дети – за ней. Кэрол выглядела измученной и серой. Нэнси была бе-

лой, как стена, с опухшими красными глазами. Джеми крепко сжимал дрожащие губы. Баки, спотыкаясь, тер кулаками глаза и ревел таким хриплым голосом, что Сэм понял – он плачет уже давно.

Кэрол обернулась и резким голосом сказала:

– Нэнси, отведи мальчиков обратно в дом, пожалуйста.

– Но я хочу...

– Пожалуйста! – Кэрол редко так резко говорила с ними.

Они пошли обратно в дом. Баки все еще ревел. Кэрол снова повернулась к нему, в глазах ее стояли слезы.

– Сохрани меня Господь от еще одних таких сорока минут, как сегодня.

– Но что случилось? Сбежала? Или она умерла?

– Умерла. Она не убегала. Сразу же приехал доктор Лоуни. Он был просто великолепен. Мы не могли уложить ее в машину, чтобы увезти. Время было рассчитано идеально. Я услышала, как остановился школьный автобус, потом уехал, и услышала крик Нэнси. Я выбежала так, словно мною выстрелили из пушки. Позже я выяснила, что, когда автобус останавливался, Джеми выглянул из окна и увидел Мерилин, поедавшую что-то во дворе. Она подскочила встретить детей, как обычно, а потом вдруг начала скулить, кружиться и кусать себя за бока. Потом с ней началось что-то похожее на конвульсии. Именно тогда Нэнси и закричала. – Слезы текли по лицу Кэрол. – Когда я подошла, собака агонизировала. Никогда не видела ничего более жалобного и пугающего.

И все трое ребят смотрели на это. Я попробовала подойти к ней, но она так злобно лязгнула зубами, что я не осмелилась дотронуться до нее. Я сказала детям не трогать ее, побежала в дом и позвонила доктору Лоуни. Потом выглянула в окно, у нее все еще были эти спазмы, дети стояли не очень близко, и я позвонила тебе. Она каталась, корчилась и издавала самые ужасные визгливые звуки, какие только можно услышать от собаки. Я не хотела, чтобы дети видели это, но не могла увести их. Потом она начала останавливаться, как часы или машина или что-то такое. Доктор Лоуни приехал перед самым концом. Она умерла примерно через минуту. Он забрал ее с собой. Это было минут двадцать назад.

– Он сказал, что ее отравили?

– Сказал, что выглядит похоже.

– Черт бы все побрал! – Его глаза жгло.

– И самому смотреть на это довольно тяжело, но видеть это детям! Веселыми же обещают быть эти выходные.

– Ты сможешь посмотреть немного за детьми?

– Куда ты собираешься? А, съездить к ветеринару?

– Да.

– Пожалуйста, только недолго.

Доктор Лоуни был большой, спокойный беловолосый человек с ярко-голубыми глазами и добродушными манерами. Когда Сэм вошел в приемную, сидящая за столом миссис Лоуни подняла голову, прошла в заднюю комнату, сразу же вышла оттуда и сказала:

– Доктор хочет, чтобы вы немедленно прошли к нему, в самую дальнюю комнату, мистер Боуден.

Ожидающая женщина с игрушечным черным пуделем на руках пристально посмотрела на Сэма. Он прошел назад. Лоуни стоял за рабочей скамьей. Мерилин лежала на забрызганном кровью деревянном столе в центре маленькой комнаты. Шерстка ее, казалось, завяла. Она выглядела, как темно-рыжая тряпка, виднелась только одна белая прорезь глаза.

Лоуни отвернулся от скамьи. Не было ни приветствий, ни любезностей.

– У меня не лучшее в мире лабораторное оборудование, Сэм, но я полностью уверен, что это – стрихнин, и просто огромная доза. Его вложили в сырое мясо. Возможно, просто надрезали кусок и всыпали кристаллы в прорезь.

Одно ухо у нее завернулось. Сэм поправил его.

– Это все настолько безумно, что я чувствую себя больным.

Лоуни стоял с другой стороны стола, и оба они смотрели на мертвую собаку.

– Слава Богу, такое не часто встречается. Я занимаюсь этим делом чисто и просто потому, что начал сходить с ума от животных с тех пор как стал ползать. Я считаю, что отравить животное более жестоко и бессердечно, чем убить человека. Они же не могут понять. Просто стыд и срам, что дети видели это!

– Может быть, именно на это и рассчитывали.

– Что ты имеешь в виду под этим?

– Не знаю. Я не знаю, что я имею в виду.

– Сэм, хотел бы я, чтобы ты дал себя уговорить отдать ее в школу собаководства в прошлом году.

– Все как-то казалось, что от этого слишком много забот.

– Тогда бы она никогда не тронула этого мяса.

– Мы держали ее на диете. Она была неисправимой попрошайкой. И боялась собственной тени. Но она была чертовски удивительной собакой. Это была личность. Черт бы все это побрал!

– Понимаешь, ты не много сможешь сделать. Даже если бы ты смог доказать, кто это сделал, его бы просто оштрафовали, и не очень сильно. Думаю я, ты не хочешь, чтобы я избавился от нее.

– Нет. Думаю, мне нужно забрать ее.

– Тогда почему бы тебе не вернуться назад и не решить, где ты хочешь ее похоронить? Вырой достаточно большую яму, а я привезу ее, когда закончу здесь в пять. Я заверну ее во что-нибудь. Ни к чему детям снова смотреть на нее: она не слишком красива.

– Не хотелось бы причинять тебе беспокойство.

– Беспокойство, черт! Копай могилу.

Когда Сэм вернулся домой, Кэрол уже удалось успокоить Баки. Он сидел в гостиной, одеревенело уставившись в телевизор. Лицо его опухло и сдавливающие горло рыдания,

как сильная икота, сотрясали его с равными промежутками. Кэрол была на кухне. Он с одобрением заметил, что миски и подстилки Мерилин были убраны с глаз.

— Где Нэнс и Джеми?

— В своих комнатах. Доктор Лоуни узнал, что...

— Стрихнин.

Они говорили приглушенными голосами. Жена прильнула к его рукам, и он обнял ее. Она говорила у его шеи:

— Я повторяю себе, что это была просто глупая собака. Но...

— Я знаю.

Она повернулась к мойке.

— Кто смог бы сделать такую ужасную вещь, Сэм?

— Трудно сказать. Кто-то со свихнутым умом.

— Но ведь она же не рыскала по округе, убивая цыплят или разрывая клумбы. Она никогда не уходила со двора, разве только с детьми.

— Некоторые люди просто не любят собак. Кэрол повернулась, вытирая руки посудным полотенцем, с угрюмым и сосредоточенным выражением лица.

— Тебя никогда не бывает дома, когда приезжает школьный автобус, Сэм. Мерилин узнавала его по звуку, когда он еще спускался с холма. И, где бы она ни была, сразу бросалась к самому краю дорожки и сидела там, ожидая, пока он остановится. Если бы кто-то проехал за автобусом на машине, он бы узнал это. А в следующий раз, он мог бы приехать

раньше автобуса и бросить эту отраву туда, где бы она наверняка нашла ее, когда прибежала бы встречать автобус.

– Это могло быть просто совпадением.

– Думаю, ты понимаешь, что это – нечто большее. Думаю, ты чувствуешь это так же, как и я. Собаки есть по всей Милтон-Роуд. Я пыталась вспомнить, у кого их нет, и оказалось, что только у Уилси. И они живут больше чем в миле от нас, держат кучу котов, так что они никогда не отравили бы собаку. Мы живем здесь уже семь лет, и я ни разу не слышала ни о чем подобном. И, как только это случается в первый раз, почему именно с нашей собакой?

– Ну, Кэрол...

– Никаких «ну, Кэрол». Мы оба думаем об одном и том же, и ты это знаешь. Где был этот удивительно компетентный частный сыщик?

Сэм вздохнул.

– Хорошо. Он больше не работает на нас.

– Когда он перестал?

– В среду вечером.

– А почему это он перестал работать?

Он объяснил ей доводы Сиверса. Она слушала внимательно, безо всякого выражения, механически продолжая вытирать руки полотенцем.

– И когда же ты узнал все это?

– Вчера утром.

– И вчера вечером ты не сказал ни слова. Я продолжала

думать, что все классно. Что ты все устроил. Я – не ребенок и не дура, и я не желаю, чтобы меня.., слишком опекали.

– Мне нужно было рассказать тебе. Извини.

– Значит, теперь этот Кейди может спокойно шататься, где он хочет, травить нашу собаку и подбираться к детям. С кого, ты думаешь, он начнет? Со старшей или с младшего?

– Кэрол, дорогая, прошу тебя...

– Я – истеричка? Ты, черт возьми, прав! Я – истеричка!

– У нас нет никаких доказательств, что это был Кейди.

Она швырнула полотенце в мойку.

– Послушай. У меня есть доказательство, что это был Кейди. Я нашла его. Это – не то доказательство, что понравилось бы тебе. Не улика и не свидетельство. Ничего юридического. Я просто знаю! Что ты за человек? Это же твоя семья! Мерилин была частью твоей семьи. Ты что, собираешься изучить все прецеденты и подготовить иск?

– Ты не знаешь, как...

– Я ничего не знаю. Все это происходит из-за того, что ты сделал когда-то давным-давно.

– Того, что я должен был сделать.

– Я не говорю, что не должен. Ты говоришь, что этот человек ненавидит тебя. Ты думаешь, что он ненормальный. Ну так сделай же с ним что-нибудь!

Кэрол подошла на шаг ближе, злобно глядя на него. Потом лицо ее исказилось – и вот она снова, вся дрожа, держала себя в руках. Сэм обнял ее, отвел на скамейку у обеденного

стола и сел рядом, держа ее за руку.

Она попыталась улыбнуться и сказала:

– Терпеть не могу хнычущих баб.

– У тебя самая серьезная причина в мире для расстрой-
ства, дорогая. Я понимаю, что ты чувствуешь. И я пони-
маю, что у тебя есть причины для недовольства. Я поставляю
пищу, одежду и кров. Слишком цивилизованно. Насколько
дьявольски легче было бы разобраться с Кейди в более ди-
кие времена или в более дикой части света. Я – член соци-
ального комплекса. Он – чужак. Я бы собрал свою банду, и
мы бы убили его. Я очень хотел бы убить его. Я, может быть,
даже оказался бы способен сделать это. Ты реагируешь на
примитивном уровне. Ты хочешь, чтобы я сделал именно то,
что говорят твои инстинкты. Но твоя логика скажет тебе, на-
сколько это невозможно. Меня посадят в тюрьму.

– Я.., я знаю.

– Ты хочешь, чтобы я был действенным и решительным.
Это именно то, чем я хочу быть. Я не думаю, что смогу от-
пугнуть его. Я не могу убить его. От полиции помощи мень-
ше, чем я ожидал. Есть две вещи, о которых я думаю. Я мо-
гу встретиться в понедельник с капитаном Даттоном и по-
смотреть, сможет ли он помочь так, как обещал Чарли. А ес-
ли окажется, что это не сработает, мы исчезнем из зоны его
действия.

– Как?

– На следующей неделе заканчивается школа.

– Среда – последний день.

– Ты можешь выехать с детьми, найти место, где остановиться, и позвонить мне в офис, когда вы разместитесь.

– Но ты не должен...

– Мы можем закрыть дом. Я сниму комнату в гостинице, в городе. Я буду осторожен. Не может же это продолжаться вечно.

– Но за это время...

Я не уверен ни в чем. Но я могу предположить, как работает его ум. Он не собирается спешить. Он собирается дать нам время обдумать все.

– Нельзя ли нам все равно быть поосторожнее?

– Я возьму «МГ» на следующей неделе. Ты можешь отвезти детей в фургоне и забирать их после школы. А я накажу им никуда не ходить. И завтра вы потренируетесь стрелять из «вудсмена».

Она взяла его руки в свои.

– Мне очень жаль, что я взорвалась. Я не должна была. Я ведь понимаю, ты делаешь все, что можешь, Сэм.

– Хочу выкопать могилу для Мэрилин. Доктор Лоуни должен привезти ее сюда. Как ты думаешь, где?

– Как насчет того склона за амбаром, у осин? Там, где раньше похоронили птичку.

– Пойду переоденусь.

Сэм надел выцветшие, в пятнах краски хлопчатобумажные штаны и старую голубую рубашку. Он чувствовал, что

Кэрол права. Инстинкт подсказал ей, что Кейди отравил собаку. Он находил смешным то, что ему приходилось с охотой принимать это с такими незначительными доказательствами. Это противоречило его подготовке, всем его инстинктам.

Он заглянул в комнату Джеми. Пластиковое радио с перевязанным клейкой лентой корпусом было включено. Сын сидел на кровати, листая один из своих замусоленных оружейных каталогов. Он посмотрел на отца и сказал:

– Это и в самом деле был яд?

– Да.

– И это сделал человек, который ненавидит нас?

– Мы не знаем, кто это сделал, сынок. Его молодые глаза были синими, прозрачными и суровыми. Он протянул свой каталог.

– Видишь? Это – обрез. С латунным стволом. Мы с Майком собираемся найти немного крутого пороху, взять этот обрез, а потом я хочу забить в него двойной заряд, наполнить его до краев тридцатью старыми ржавыми гвоздями и всадить их этому старому Кейди в живот. Бах! – Слезы стояли у него в глазах.

– Майк об этом знает?

– Я позвонил ему, пока тебя не было. Он тоже плакал, но делал вид, что не плачет. Он хотел приехать, но я сказал ему, что не хочу этого.

– Не хочешь помочь мне выбрать место для могилы?

– Хорошо.

Они взяли из амбара лопату. Пирамида камешков удерживала маленький крест, обозначавший могилу Элвиса, усопшего попугайчика. Элвис свободно летал по всему дому и знал два слова, когда четырехлетний в то время Баки наступил на него. Чувство вины и ужаса держалось у Баки так долго, что они начали за него волноваться.

Сэм начал рыть яму, а потом уступил очередь Джеми. Мальчик работал с полным неистовством и с суровым лицом. Пока Сэм, стоя, наблюдал за ним, медленно подошла Нэнси.

– Это хорошее место, – сказала она. – Ты привез ее?

– Доктор Лоуни должен привезти ее.

– Я увидела вас из окна. Будь оно все проклято!

– Полегче, девочка.

– Мама думает, что это сделал тот человек.

– Я знаю, но доказательств нет. Джеми перестал копать.

– Я мог бы выкопать яму побольше. Я мог бы выкопать яму для него, бросить его туда вместе со змеями и другой гадостью, завалил бы ее камнями и притоптал бы хорошенько!

– Сэм увидел, что мальчик запыхался.

– Теперь моя очередь. Дай-ка лопату.

Они стояли и смотрели, как он заканчивает. Приехал Лоуни. Он завернул собаку в старое порванное одеяло цвета хаки. Сэм вынул ее из машины и принес к яме. Она была страшно тяжелой. Он быстро засыпал ее и обровнял : холмик лопатой. Доктор Лоуни отказался от предложения выпить и

уехал обратно в город.

Обед был безрадостным. Во время обеда Сэм сформулировал новые правила. Он был почти готов к возражениям, но дети восприняли их без комментариев.

Когда все дети уже улеглись, Сэм и Кэрол сели в гостиной.

– Для них это все так тяжело, – сказала Кэрол. – Баки больше всех. Ему было два года, когда мы взяли ее, и она была как бы его собакой.

– Я завтра немного поезжу. И заставлю поработать их над лодкой, это хоть немного их отвлечет.

– А стрельба?

– Похоже, тебя это стало интересовать. В прошлый раз ты восприняла это без энтузиазма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.